

Фос. газет. - 1999 - 21 авг. - с. 8

Грустный весельчак

ПАМЯТЬ

В эти дни снова на телеэкране никулинские фильмы. А как их назвать иначе? "Ко мне, Мухтар!", "Когда деревья были большими"... Какие они? Никулинские! Такие, что невозможно оторваться от экрана, такие, что временами ком встает в горле. Мне кажется, что я смотрел все его фильмы: и "Двадцать дней без войны", и "Бриллиантовую руку", и "Чучело". Грустно-веселые, мудрые.

Я не искусствовед и не мне разбирать его киноработы, его выступления на манеже. Я врач. И так сложилось, что познакомились мы на медицинской почве. Познакомились в том возрасте, когда уже не заводят близких друзей, шестнадцать лет назад на каком-то официальном приеме. Подружились не сразу — много позже, когда случилось несчастье с одним из его директоров. Тот был тяжело ранен, лежал в Институте имени Склифосовского, Юрий Владимирович почему-то позвонил именно мне, попросил помочь с лекарствами. Я помог, хотя того человека спасти уже было невозможно. Может, это несчастье нас сблизило. С тех пор мы общались постоянно.

Юрий Владимирович со всеми своими болячками — а их у него, прошедшего две войны, было предостаточно — обращался к нам. И друзей своих он тоже приводил лечиться к нам. Даже когда Юре надо было подобрать очки, это делали специалисты нашей клиники.

Мы дружили так, что бывало даже, если одного меня приглашали куда-то в гости и я говорил: "Юра, пойдем со мной", он шел. Так однажды мы с ним заявили на пятидесятилетие заместителя начальника ГУВД генерала Егора Яковлевича Рожкова. Естественно, в центре внимания тут же стал Юра. Только не подумайте, что он без конца рассказывал какие-то байки, анекдоты. Вовсе нет! Просто это был человек такого обаяния, такой притягательности.

Как-то мы поехали в Московское региональное управление по борьбе с организованной преступностью. Нас очень хорошо принимали. Вдруг мы заметили,

что Никулин исчез. Стали друг у друга спрашивать: куда подевался Юрий Владимирович? Оказалось, что он на первом этаже раздает солдатам календарики со своим портретом. При этом у каждого спрашивает: "Милый, как тебя зовут?" И каждому поименно пишет доброе пожелание.

Когда Юрию Владимировичу стало совсем худо, когда его мучили страшные боли в сердце, он только мне и Людмиле Марковне Гурченко признался, что если случится еще один такой приступ болей, то, наверное, покончит с собой, — он пришел в нашу клинику.

И тут началось буквально паломничество к нам. Он явно был не просто любимым артистом, любимым клоуном. Он был Никулиным — российской гордостью и славой. Приходили друзья, приходили специалисты-медики. Многие уговаривали его перебраться на лечение в другие кли-

ники. Мне не забыть никогда, как я сидел в его палате, на его постели, он смотрел на меня своими фантастическими глазами и говорил: "Шурик, я никуда не поеду. Не бросай меня! Я останусь здесь".

Если я скажу, что он был любимцем клиники, то это значит, я ничего не скажу. Мы все до последней минуты боролись за его жизнь. Его смерть стала для каждого из нас личной трагедией. До сих пор иногда кажется, что в одном из коридоров клиники мы встретим Юрия Владимировича, он улыбнется, остановится, скажет доброе слово — он находил его для каждого, да еще и анекдотом повеселит.

Его жена Татьяна Николаевна в те дни постоянно была в клинике. Однажды она рассказала, что на одном из деревьев их подмосковной дачи в Загорянке то и дело появляются записочки с пожеланием: "Выздоровливайте, Юрий Владимирович! Мы вас любим!"

Мне кажется, такие, как Никулин, не могут уйти от нас навсегда. Такие с нами навсегда остаются...

Александр БРОНШТЕЙН,
генеральный директор Центра
эндохирургии и литотрипсии,
член-корреспондент РАЕН.

РГ